

Энно Э. Крейе

ПОЛИТИКА МЕТТЕРНИХА

Германия
и противоборство с Наполеоном
1799—1814

Энно Крейе

**Политика Меттерниха.
Германия в противоборстве
с Наполеоном. 1799–1814**

«Центрполиграф»

1963

Крейе Э. Э.

Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном.
1799–1814 / Э. Э. Крейе — «Центрполиграф», 1963

Уникальная книга Энно Эдварда Крейе – известного писателя-публициста, профессора истории университетов Вирджинии, Кентукки, Северной Каролины. Автор освещает основные этапы противоборства с Наполеоном выдающегося австрийского министра иностранных дел Клеменса Лотара фон Меттерниха на фоне исторической картины, сложившейся в Европе в конце XVIII – начале XIX века. Знакомит с основными фактами жизни и деятельности блестящего политика, чей талант к интригам и гибкая дипломатия в немалой мере влияли на развитие политической ситуации времен распада рейха и раздела третьей Германии.

© Крейе Э. Э., 1963
© Центрполиграф, 1963

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Энно Эдвард Крейе

Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799–1814 гг

Предисловие

Эту книгу не следует считать попыткой объяснить происхождение нацизма или пособием по разрешению дипломатических проблем на основе уроков, преподанных «профессором» Меттернихом. Возможно, эти уроки и представляют для нас некоторую ценность, но не они побудили меня написать эту книгу. На самом деле исследование появилось на свет в результате изучения деятельности Германского союза. Два соображения обусловили то, что труд, предпринятый вначале для отображения истории развития государственного образования, превратился вместо этого в анализ политики в отношении Германии известного австрийского министра иностранных дел. Первое соображение состоит в обнаружении того факта, что для написания взвешенной истории Германского союза необходимо чрезвычайно кропотливое изучение многих специальных вопросов. Другое соображение заключается в осознании того, что при описании государственного образования исследователя подстерегает опасность наделять онтологической реальностью абстрактные понятия и представить свои личные ценностные установки более важными, чем установки деятелей исследуемого института. Изучая Германский союз в рамках категорий: государство и общество, раздробленность и единство, тяга к прошлому и либеральные реформы, – я обнаружил, что цепляюсь за проблемы, которые мало занимали Меттерниха, Штайна, Харденберга и других государственных деятелей того времени. Понимание их амбиций и мотивов деятельности – предпосылка объективного исторического исследования Германского союза, и, поскольку роль Меттерниха в союзе была преобладающей, внимание должно было быть обращено прежде всего на эту историческую фигуру.

Сначала казалось целесообразным начать изучение предмета с Венского конгресса, на котором было провозглашено образование Германского союза. В дальнейшем, однако, обнаружилось, что политика Меттерниха в отношении Германии настолько связана с эпохой Французской революции и Наполеона, что следует начать труд отсюда.

Потребность в изучении политики Меттерниха в отношении Германии после Венского конгресса ощущалась давно. В сравнении со скудным освещением этого исторического периода в целом материал, составивший содержание этого тома, довольно основательно разрабатывался прежде. Тем не менее литература об эпохе Наполеона касалась политики Меттерниха в отношении Германии лишь эпизодически, помещаясь между историей дипломатии общего характера и специализированными монографиями по сугубо частным проблемам. При всем том, что Меттерних пользуется славой блестящего дипломата, ни его дипломатия как искусство, ни его влияние на решение крупных региональных проблем не освещались с такой скрупулезностью, как, например, деятельность Наполеона или Каслри. Многообещающее начало изучению Меттерниха было положено в конце XIX века, когда были открыты европейские архивы того периода. Это дало возможность таким беспристрастным ученым, как Адольф Беер, Эдуард Вертхаймер, Август Фурнир, Вильгельм Онкен и Федор фон Демелич, создать монографии и опубликовать документы, которые остаются до сих пор основой исследовательской работы на эту тему. Но смерть оборвала жизни многих ученых старого времени, а Первая мировая война прервала деятельность других исследователей.

Война нанесла ущерб и в другом отношении: она побудила рассматривать историю XIX столетия с точки зрения политических и идеологических споров XX века. Так, Вильтор Библ

в своей книге «Меттерних, демон Австрии» (Вена, 1936) вместо объективных оценок, естественно ожидаемых с течением времени, вернулся к прежней практике обвинения Меттерниха во всех несчастьях Австрии, включая катастрофу 1918 года. Таким же образом многие немецкие писатели стали обвинять Бисмарка в крушении Германии. Генрих Риттер фон Србик, сменивший Фурнира в качестве ведущего историка Венского университета, творчески откорректировал наши представления о политических и социальных установках Меттерниха, но он перенес акцент с дипломатических на философские взгляды этого деятеля. Позже Србик способствовал тому, что изучение Меттерниха было оживлено спорами вокруг Великой и Малой Германий, которые прежде почти угасли. С точки зрения науки великогерманские доктрины, популярные в нацистском рейхе, стали причиной того, что был перенесен акцент с Пруссии прежнего времени на эти доктрины, и это способствовало написанию учеными умеренных взглядов порядочного числа ценных монографий и источниковедческих работ, которые в иных условиях могли и не появиться. Тем не менее запальчивый тон этой литературы и наблюдаемая в ней тенденция рассматривать эпоху Меттерниха с точки зрения интересов XX века помешали выполнению обещаний историков, принадлежащих к школе Фурнира.

В целом литература, затрагивающая прямо или косвенно политику Меттерниха в отношении Германии, огромна, и ряд тем разработан исчерпывающим образом. Несколько глав, касающихся роли Меттерниха в войне 1809 года, опирается в первую очередь на парламентские, имперские и государственные архивы в Вене, в иных случаях я пользовался опубликованными документами и соответствующей литературой, в отличие от второго тома, где с источниками дело обстояло иначе.

Нельзя сказать, что моя задача ограничивалась просто объединением фрагментов текста из различных работ, как это бывает при составлении картинок-загадок. Наоборот, с образованием картинки часто обнажаются формы и цвета, незаметные в отдельных фрагментах. В результате, хотя я и пользовался с благодарностью фактами, добытыми другими учеными, мне приходилось все-таки вносить коррективы в их работы. Мой метод – в той степени, в какой я допускал его несовпадение с привычными канонами исторической науки, – заключался в том, чтобы сознательно, скрупулезно и вразумительно следовать хронологии событий, а это, в свою очередь, требовало главным образом повествовательного стиля изложения. Не соглашусь, однако, с утверждениями, что такому методу недостает аналитичности. Истина состоит в том, что абстрактные рассуждения – которые невозможно выразить в повествовательной форме и нельзя перепроверить последовательностью событий, – более отвечают интеллектуальным наклонностям историка, чем объективная интерпретация исторических фактов. Немаловажно и то, что повествование включает в себя не просто внешние действия, но также их внутреннюю подоплеку, а также душевное состояние исторических персонажей.

Это замечание адресуется в качестве весьма запоздалого объяснения многим моим друзьям, коллегам, издателям и спонсорам, которые в последние годы потихоньку прекращали справляться о моем продвижении в работе. Благодарю всех их за терпение и внимание ко мне. Но особую радость я испытываю в связи с тем, что могу наконец выразить делом свою благодарность фонду Фулбрайта и ученому совету фонда имени Джона Симона Гугенхайма за финансирование моих командировок в Австрию в 1952–1953-м и 1960–1961 годах, позволивших мне завершить исследовательскую работу в Вене. Без их участия я никогда не узнал бы великодушного гостеприимства и услуг знаменитого Государственного архива Австрии. За это мне хотелось бы поблагодарить генерального директора Хофрата доктора Гебхарта Рата и его экспертную группу. Такую же благодарность я выражаю Национальной библиотеке Вены, Институту истории Венского университета, Библиотеке конгресса США, а также библиотекам университетов штатов Кентукки, Миннесота, Техас и Вирджиния. Все они неизменно оказывали мне бесценную поддержку. Я также обязан финансовой поддержкой на многих важных этапах своей исследовательской работы комитету фонда научных исследований Университета

Кентукки, а также профессору Х. Клею Риду из Университета Делавэра за неординарный акт великодушия, совершенный по отношению ко мне несколько лет назад и послуживший большим стимулом для продолжения моей работы.

Рукопись этой книги была просмотрена на различных этапах ее подготовки профессорами Эмеритусом Лоуренсом Д. Стифелом из Университета Миннесоты, Карлом Б. Коуном из Университета Кентукки и Робертом А. Канном из Ратгерского университета. Без их проницательных указаний в отношении стиля и содержания книга была бы хуже, но не их вина, если она не стала лучше. Профессору Канну я особенно обязан как поощрением работы, так и своевременным советом изменить направление исследования. Я также почерпнул много пользы из руководящих указаний и советов доктора Вальтера Ляйтша и доцента доктора Фрица Фелнера из Венского университета, а также профессоров Карла Босла из Мюнхенского университета и Гильома де Бертье де Совиньи из Католического института в Париже.

Наконец, что важнее всего, я хочу публично выразить признательность своей жене и детям за помощь и терпение при подготовке этой работы. Лышу себя надеждой, что два года пребывания в очаровательной Вене послужили достаточной компенсацией за их усердие.

Лексингтон, Кентукки, июль 1963 г.

Глава 1

Клеменс Меттерних, граф Священной Римской империи

Первое, что следует знать о Клеменсе Лотаре Венцеле фон Меттернихе-Виннебурге-Байльштайне, – это то, что он был не австрийцем, но уроженцем Рейнской области. Лишь в 21 год от роду он пересек Виннервальд и впервые увидел правительственное здание Бальхаус в Вене, где провел около 40 лет в качестве министра иностранных дел Австрии. Единственной осязаемой связью семьи Меттерних с разрозненными территориями, объединенными Прагматической санкцией 1723 года (Закон о престолонаследии императора Карла VI) в государственное образование Австрия, было поместье Кенигсварт в Богемии. Причем Кенигсварт имел для Меттернихов меньшее значение, чем семейная вотчина по берегам реки Мозель на пути между Триром и Кобленцем. Она представляла собой феодальное владение Виннебург на левом берегу реки и меньшее по размерам поместье Байльштайн на правом берегу. Вместе эти владения составляли весьма доходную собственность. Они занимали площадь в 75 квадратных миль, на которой трудились 6200 душ, и приносили годовой доход в 50 тысяч гульденов. Это позволяло семье проживать в соседнем Кобленце обеспеченно, хотя и без кричащей роскоши. (См.: Срб и к, Генрих Риттер фон. Меттерних – государственный деятель и человек. Мюнхен, 1925. Т. 1. С. 79.) Именно в Кобленце, в месте слияния Рейна и Мозели, в окружении заброшенных замков и террас виноградников, родился в 1773 году Клеменс Меттерних.

Рейнская область на закате старой системы правления в Европе содержала в себе смесь немецкой и французской культур, по крайней мере в среде двуязычных аристократических семей, одной из которых были Меттернихи. В административном отношении регион составлял часть округа Нижний Рейн-Вестфалия Священной Римской империи. Отец Клеменса, Франц Георг, был рейхсграфом, то есть имперским графом, одним из 400 представителей высшей немецкой аристократии. Они считались непосредственными вассалами императора и были представлены в Регенсбурге на августовской ассамблее, именуемой рейхстагом. Надо сказать, что Меттернихи не присутствовали там. В социальной иерархии выше их находились князья, маркграфы, герцоги и выборщики. Графы представляли нижнюю ступень представительства в рейхстаге, и не все из них принимали участие в его заседаниях. Меттернихи имели мизерную долю участия при голосовании в Регенсбурге, поскольку графы были поделены на четыре совета, каждый из которых имел лишь один голос. В совете графов Вестфалии фамилия Меттерних стояла в списке под номером 21 из 32, занесенных в список.

Без места в совете семья Меттерних входила бы в нижнюю аристократию империи, к которой принадлежали те, кто получил феодальные владения непосредственно от императора, но не был представлен в рейхстаге. Большинство из них, составлявших группу графов, 350 семей баронов и около 1500 рыцарей, принадлежали к корпоративному объединению, которое располагало многими привилегиями высшей аристократии, например свободой от выплат имперских налогов. Таким образом, они имели более высокий статус и пользовались большими благами, чем многие немецкие дворяне, обладавшие значительными поместьями, но зависевшие от князей и подпадавшие под их юрисдикцию. Тем не менее дотошный протокол увядающего феодального строя прочертил на имперском уровне четкую разграничительную черту между высшим и низшим дворянством. Благодаря этой черте Меттернихи наряду с другими графскими семьями занимали довольно сносное положение. Поднапрягшись, они могли вести роскошную жизнь, нанять лучших наставников для детей. Как представители высшего дворянства, они могли свободно общаться с самыми знатными семьями. Юный Клеменс, например, дружил в детстве с принцессами, которые стали впоследствии королевами Ганновера и Прус-

сии. Позднее, будучи студентом в Страсбурге, он стал близким другом будущего короля Баварии и князя Максимилиана из Цвайбрюккена. И все же жениться на девушке, принадлежавшей к более высоким сферам аристократии, представляло известную трудность. Когда Клеменс так поступил в 1795 году, это было воспринято как большая удача, результат умения Франца Георга ладить с людьми, а также привлекательной внешности и ума его сына.

Однако подлинное размежевание в дворянстве происходило на политической почве. Со времени Вестфальского мира в 1648 году около 40 ведущих имперских курфюрстов пользовались конституционным положением, освобождавшим их от юрисдикции имперского верховного суда, сделавшим их полными хозяевами подвластных территорий и позволявшим им заключать союзы друг с другом и даже с зарубежными странами. Многие из курфюрстов завели собственные армии и, несмотря на формальное выражение почтения императору, вели себя так, как если бы они были суверенами. Некоторые из князей, действительно, были монархами. Например, выборщик Ганновера был королем Англии, выборщик Бранденбурга – королем Пруссии, а герцог Холштейна – королем Дании, не говоря уже о Габсбургах разных уровней, имевших владения в Германии. Таким образом, «вооруженные поместья» – феодальные владения с собственными армиями – стремились следовать эгоцентрическому курсу на установление в пределах своих территорий централизованного деспотизма, захватывать мелкие владения по соседству и даже заключать союзы с Францией и Россией, если это отвечало их интересам. Для таких феодальных правителей рейх был досадной обузой, анахронизмом, который мешал им прославиться. Что касается династий Габсбургов и Гогенцоллернов, то их власть в своих державах была настолько прочна, что они не обращали внимания на те случаи, когда их провинции включали в состав империи. В общепринятом смысле термин «рейх» обозначал просто часть Германии к западу от реки Эльбы и Богемского леса.

С другой стороны, для низшего дворянства рейх был не просто живой традицией, но насущной необходимостью. Он гарантировал неотчуждаемость их собственности, их формальное равенство с самыми могущественными феодальными семьями, защиту от хищных соседей и от вмешательства государства в управление их имениями. Имперскому графу, в отличие от обычного графа, не досаждали ретивые бюрократы, претворяющие в жизнь централистские идеи деспота. Лишь изредка он предстал перед имперским верховным судом при разборе жалоб соседа или одного из вассалов. В то же время рейх предоставлял гораздо больше возможностей для служебного и административного роста, чем любое из феодальных владений. Император мог предложить немало постов и должностей как на имперской службе, так и в административной иерархии на территориях, подвластных Габсбургской короне, которые, отставая в культурном развитии, нуждались в способных людях из западной части империи. В рейхе имелось также большое число церковных владений, не уступающих по площади и возможностям «вооруженным имениям». Там были не только возможности занять себя. Это были епархии, домогаясь которых феодальные семьи направляли своих сыновей на церковную службу. Ко времени рождения Клеменса Меттерниха уже дали четырех выборных архиепископов, которые, в свою очередь, подняли влияние семьи на уровень, гораздо превышающий ее светский статус. Имя одного из этих прелатов, Лотара, стало частью будущего официального имени дипломата, а другие его части, Клеменс и Венцель, были взяты в честь крестного отца, бывшего архиепископом Трира.

Следовательно, семья Меттерних принадлежала к тем кругам, которые по необходимости добивались укрепления рейха. Свободу, которую наибольшие феодальные вотчины искали на пути создания собственных вооруженных формирований и проведения самостоятельной внешней политики, феодальные владения менее значительные добивались обеспечением поддержки имперского режима. Сколько бы малые и средние феодалы ни хвастали равными правами с главами могущественных кланов, их интересы более совпадали с интересами низшего

дворянства, религиозных общин, свободных имперских городов, каждый из которых приветствовал императора как защитника «германских свобод».

Во второй половине XVIII века будущее германских свобод было отнюдь не радужным. Религиозные общины сталкивались с настойчивыми требованиями поборников Просвещения об их секуляризации. Они страдали и от произвола князей церкви, которые вели себя как временщики. Свободные города и малые поместья подвергались, в свою очередь, поглощению могущественными соседями, стремившимися к расширению границ своих владений, получению дополнительных средств от сбора налогов, увеличению набора рекрутов в вооруженные формирования. Рейх существовал на грани анархии, и после деморализующего эффекта Войны за австрийское наследство и Семилетней войны, завершившихся за 10 лет до рождения Клеменса Лотара Меттерниха, стало ясно, что германские свободы зависели от гарантий императора меньше, чем от противоречий между «вооруженными имениями» и особенно патового состояния в отношениях между Австрией и Пруссией.

За внутренним хаосом неизбежно следовало внешнее вмешательство. В 1788 году, когда снова разразилась гражданская война, причем Австрия в союзе с Баварией выступили против коалиции, объединявшей Пруссию, Саксонию и Мекленбург, к посредничеству между противоборствующими сторонами были привлечены пограничные державы – Франция и Россия. Для Франции посредничество в делах рейха вряд ли было чем-то необычным, России же оно давало дальнейшее усиление влияния в Европе. Почти за шесть лет до этого она отодвинула свои границы на запад посредством первого раздела Польши, теперь, по Тешенскому договору, положившему конец внутригерманской войне, она стала гарантом статус-кво в рейхе.

Через год (в 1780 году) Иосиф II начал осуществление долго вынашивавшейся программы преобразования рыхлого объединения провинций под названием Австрия в современное централизованное государство. В социальном плане реформа не удалась. Однако она имела для рейха большое значение, способствуя погружению Австрии в свои проблемы и выработке специфически «австрийского» подхода, в котором собственная территориальная консолидация и четко очерченные границы значили больше, чем органичное единство с рейхом. Кстати, именно поэтому Иосиф рассчитывал в будущем обменять далекие от Австрии Нидерланды на Баварию, как будто остатки Священной Римской империи могли распределяться по желанию разных держав. Эти остатки, называвшиеся на языке XVIII века рейхом и позднее превратившиеся в идиоматическое выражение «третья Германия», страдали вакуумом власти, являя собой западноевропейский вариант одряхлевшей Польши на востоке.

Но жизнь в Швабии, Вестфалии, Франконии и Рейнской области, где карликовые государства кучковались друг с другом, развивалась путями, соответствовавшими своему времени. Среди поборников империи было много деятелей не менее способных, чем Франц Георг Меттерних, но ни один из них не был настолько привержен имперским традициям. В 1768 году он поступил на службу к выборщику Трира. До 1771 года Франц Георг был представителем выборщика в Вене, затем его отозвали в Кобленц, столицу архиепископства, и назначили на пост советника и министра иностранных дел. Нет необходимости добавлять, что иностранные дела архиепископства редко выходили за рамки дипломатического протокола, и здесь Франц Георг показал себя с наилучшей стороны. Он всегда был безукоризненно одет, приветлив и вежлив, обходителен с окружающими его восхитительными женщинами, среди которых блистала его супруга Беатрис, очаровательная и талантливая женщина, урожденная Кагенек из Брайсгау. Рейхсграф Меттерних идеально подходил для пышной придворной жизни карликового немецкого феодального владения XVIII века. Эта жизнь не претерпела существенных изменений, когда в 1773 году он поступил на службу к императору. В качестве имперского министра при дворах Трира и Кельна, а позднее и при дворе выборщика Майнца, а также в округе Нижний Рейн-Вестфалия он по-прежнему проживал в семейной резиденции Меттернихов в Кобленце.

Там он воспитывал своих детей: дочь Паулину 1772 года рождения, Клеменса, появившегося на свет годом позже, и другого сына – Иосифа 1774 года рождения.

С добродушным отцом и матерью, плохо скрывавшей особую любовь к первенцу сыну, Клеменс Меттерних мог легко вырасти в ленивого и избалованного юнца. Возможно, он и был таким до известной степени. По крайней мере в его складе характера не было ничего прусского и пуританского. Он унаследовал в полной мере знаменитую привязанность рейнцев к жизни на широкую ногу, добавив к этому свою собственную склонность к покою и комфорту. Его рассеянность и медлительность приводили в отчаяние всех, кто имел с ним дело, иногда же он обнаруживал нерешительность и капризность, которые в человеке менее обаятельном обличали бы фатовство. Однако в Меттернихе эти свойства становились чертами характера, присущими облику важного сановника, который чувствовал себя вполне уверенно в изысканном аристократическом обществе феодального режима. К тому же он жил в эпоху, поощрявшую способность сочетать тягу к удовольствиям с умением делать карьеру. Меттерних не избежал ее влияния. Живость ума и интеллектуальная дисциплина делали его скупым на внешние проявления жизненной энергии. Хладнокровие же, выглядевшее порой как апатия, прикрывало его деловую сосредоточенность.

Интеллект, а также любознательность Клеменса, которая всю жизнь влекла его к знакомству с различными областями знания, были унаследованы от матери. Однако надо отдать должное и Францу Георгу. Он, видимо, располагал большим запасом здравого смысла, который человек заурядный использует для воспитания своих детей. С самого начала Франц Георг готовил Клеменса к дипломатической карьере. Хотя и невозможно определить, насколько его замысел повлиял на воспитание сына, он создал для карьеры Клеменса даже в условиях той космополитической эпохи богатые и разносторонние предпосылки. Понимая значение знания языков, он убедил сына не пренебрегать немецким, в то время как тот предпочитал разговаривать со своей матерью по-французски. Он позаботился также о том, чтобы юноша приобрел первые навыки на политическом поприще, добившись для него некоторых мелких поручений во время коронации Леопольда во Франкфурте в 1790 году в качестве императора Священной Римской империи и затем во время коронации Франциска II двумя годами позже. Эти поручения, по крайней мере внешне, имели целью настроить молодого Меттерниха на то же ревностное служение рейху, какое было присуще его отцу.

Однако в наибольшей степени влияние Франца Георга сказалось на образовании юноши. Вслед за двумя католическими наставниками при дворе Меттернихов появился деист Йохан Фредерик Симон, который внедрил в семью не только новейшие педагогические методы воспитания, но и дух Просвещения в целом. Симон был не просто педагогом. Когда началась Французская революция, он отправился в Париж, где служил ряду революционных правительств и поддерживал режим террора. Пребывание якобинца в феодальной семье было по меньшей мере аномалией. Любопытно, что именно графиня Меттерних, наиболее образованный представитель семьи, резко критиковала его идеи, в то время как Франц Георг оставался невозмутимым. Что касается юного Клеменса, то он уважал своего учителя и за шесть лет почти ежедневного общения, несомненно, приобрел от него привычку к рациональному мышлению, которое позже определяло его деятельность. Если и был парадокс в том, что учитель поддерживал революционные идеи, а ученик стал защитником просвещенного деспотизма, то причина коренилась в самом Просвещении, передавшем миру свое амбициозное наследие.

В 1788 году Франц Георг внес своих сыновей в списки студентов Страсбургского университета, отправив их туда в сопровождении частного преподавателя. Хотя состав студентов включал в основном французов и немцев, в то время университет привлекал студентов из всех стран Европы и из многих социальных слоев. Университет находился в процессе постепенного возрождения после Семилетней войны, сделавшей учебу в Германии временно недоступной для иностранцев. В результате Меттерних встретил там представителей самых раз-

ных национальностей, включая таких будущих партнеров, как князь Павел Строганов и граф Андрей Разумовский из России, а также корсиканец граф Поццо ди Борго. Тому случайному обстоятельству, что свита Меттерниха проживала в кварталах города, где снимали жилье студенты-стипендиаты, он обязан общением с простым народом. Впрочем, это мало повлияло на его политические взгляды и личную жизнь. Он по-прежнему шикавал, занимался ездой верхом и фехтованием, совершал визиты в дома знатных особ.

Одной из дисциплин, преподававшихся в то время в Страсбурге, было право, в частности германское право. Его изучали даже французские студенты в надежде сделать карьеру в судебной системе рейха. Люди, обучавшие Меттерниха, особенно Кристофер Вильям Кох, выражали идеи обновленной Геттингенской школы. В ней господствовал светский рационалистический дух. Здесь поощрялось изучение позитивного права и его исторического развития, чтобы дать студентам необходимые знания о законах. Однако никто не рассчитывал набраться мудрости от этих занятий или обнаружить в самом существовании института права признаки божественной воли. Справедливость считалась естественным правом. Она обнаруживалась посредством разумных аргументов и достигалась наилучшим образом усилиями просвещенной человеческой воли, одним словом, посредством деспотической воли феодальных князей. В свете универсальной идеи христианства упадок рейха как органичного института не мог не вызывать сожаления. Согласно этой концепции, рейх представлял собой лигу отдельных государств, изначально светских образований в центре Европейского континента. И если в идее рейха и имелась какая-то особая ценность, то она заключалась в опоре на баланс сил. Потому что обосновывалось это тем разумным доводом – а разум в то время был мерой всех вещей, – что в Европе, более или менее однородной в культурном отношении, но разделенной политически на эгоцентричные государственные образования, единственной альтернативой хаосу является учет баланса сил. Поскольку равновесие считалось принципом организации Вселенной и поскольку в течение века дипломаты усматривали в равновесии сил прагматичное решение своих проблем, баланс сил как регулятор международных отношений казался логически естественным. Не случайно в Страсбурге Меттерних почти ежедневно погружался в споры о необходимости европейского равновесия. (См.: С р б и к. Меттерних... Т. 1.)

То же продолжалось в 1790 году, когда молодой студент, осваивавший науку государственного управления, перевелся на учебу в университет Майнца. Там он слушал лекции по истории Германской империи Николаса Фогта и подружился с этим видным ученым на всю жизнь. Философия Фогта не была столь механистична, как у Коха. Она уделяла больше внимания исторической эволюции правовых институтов и их органической связи с иерархией социальных отношений, начиная с семьи, переходя затем – через епархии, поместья и королевства – к Европейской республике. Тем не менее равновесие и здесь сохраняло всеобъемлющее значение. Однако для Фогта баланс сил был не просто проблемой отношений между суверенными государственными образованиями, как у Коха, но воодушевляющим принципом всех человеческих отношений, всего общества и даже всей Вселенной. Для Фогта это было выражением божественной воли. Там, где доктрина Коха стремилась применительно к Священной Римской империи оправдать абсолютизм и амбиции крупных феодалов, философия Фогта утверждала органичную гармонию целого и важность всех входящих в него институтов, больших и малых, светских и религиозных.

Таким образом, в университете Майнца Меттерних нашел философию, которая соответствовала не только существовавшим стандартам интеллектуального достоинства, но также традициям и жизненным интересам его семьи. Неудивительно, что он не устал почитать Фогта и после смерти ученого, похоронив его останки в поместье Меттернихов в Йоханнисберге. Однако, хотя Меттерних и признавал Фогта своим учителем больше, чем Коха, последнего все равно нельзя было сбрасывать со счета. Потому что – даже если в студенческие годы Меттерних этого и не предвидел – оба профессора теоретически сформулировали главную проблему

его будущей политики в отношении Германии: должна ли эта страна в эпоху после Наполеона воссоздаваться в виде иерархий имперских владений или как лига суверенных государств.

Между тем Французская революция преподавала в сфере искусства управления государством уроки, с которыми по накалу эмоций не могли сравниться никакие академические лекции. Молодому Клеменсу революция доставила и сугубо личные переживания. Всего лишь через неделю после падения Бастилии он увидел, как разъяренная толпа штурмовала здание городского собрания в Страсбурге, грабила знаменитый винный погреб города и устраивала пьяные оргии и бесчинства, положить конец которым смог лишь полк охраны князя Макса. Позже, к досаде молодого человека, он узнал, что его старый учитель Симон стал редактором революционного еженедельника в городе и местным переводчиком Декларации прав человека. Далее, как представлялось испуганному, но замороженному студенту, революция с самого начала была обагрена кровью и созидание в ней сводилось к нет разрушению.

Несмотря на отвращение, которое, возможно, Меттерних питал к июльским актам насилия, он продолжал учебу и провел в Страсбурге еще один год. Лето 1790 года застало его уже во Франкфурте на коронации Леопольда II, которая значила больше, чем простой ритуал. Она выглядела как освящение прошлого. Затем последовали два года жизни в Майнце, а в июле Меттерних был снова во Франкфурте на коронации Франциска II. Если предыдущая коронация продемонстрировала цепкость прошлого, то вторая была призвана отметить его полный триумф. В это же самое время у Кобленца сосредоточивалась прусская армия под командованием герцога Брунсвика и готовилась начать наступление, с которым были связаны большие надежды на разгром революции, причем не только надежды самих немецких князей, но в особенности многих французских эмигрантов, прибывших на коронацию. После коронации Меттерних в состоянии благодушия присоединился к массам дворян, возвращавшихся в Кобленц в ожидании вестей о победе.

Эти вести так и не поступили. 20 сентября наступление было остановлено в Вальми. Началось отступление, долгое отступление со сдачей в следующие четыре месяца революционными армиями Майнца и Франкфурта и открытием пути к еще большим бедам. И куда только делось это общество «естественного равновесия»? Французские поместья были ликвидированы, королевская семья казнена, установилась террористическая диктатура. Фогт говорил о дарованном Богом равновесии между любовью и ненавистью. Откуда было взять любовь, которая сдержала бы поток ненависти, несшийся из Парижа, перебравшийся через Рейн и готовившийся поглотить мирные Виннебург и Байльштайн, до которых оставалось каких-то 50 миль?

Возвращение в Майнц стало невозможным. И потом, как можно было думать о гармонии Вселенной, когда революция каждый день заставляла сомневаться в ее существовании? Теперь Меттерних сменил обучение практической деятельностью, помогая отцу и служа курьером между армией и австрийскими властями в Нидерландах. В 1791 году Франц Георг пошел на повышение, заняв пост министра-резидента в австрийских Нидерландах и Бельгии. Позже Клеменс хвастал, что отец был своего рода премьер-министром, разве что подчинялся приказам имперской канцелярии в Вене, которая управляла территориями, подвластными Габсбургской короне. Теперь Франц Георг находился на службе Австрии, а не Священной Римской империи, как это было прежде в Майнце. Вскоре эта разница в положении стала очевидной.

Подверженный имперским предрассудкам Франц Георг воспринимал Нидерланды и Бельгию скорее как округ рейха, чем как часть австрийской территории. Он горячо сочувствовал хозяевам дворянских поместий, их стремлению к независимому существованию, их нежеланию платить налоги в пользу далекого австрийского двора.

Необходимо сказать несколько слов о политике Франца Георга, поскольку в 1789 году хозяева поместий подняли восстание против власти Иосифа II, пытавшегося упразднить устаревшую конституцию. С этого времени местные феодалы стали колебаться в выборе

между злом Французской революции и политикой централизации Габсбургов. Тем не менее, поскольку начальники Меттерниха в Вене были большей частью централистами по убеждениям и относились к Нидерландам и Бельгии с недоверием по печальному прошлому опыту, они противились его соглашательской политике и постоянно вмешивались в его административную деятельность.

Осенью 1793 года Франц Георг без согласования с Веной оказал содействие местным феодалам в их попытках укрепить территориальную милицию путем вооружения крестьян и сформировать добровольческие корпуса для отражения наступления французов. Эти поступки привели в ужас венскую канцелярию, и не столько потому, что она боялась вооружения народа – ранее Австрия обращалась к рейхстагу с призывом провести массовую мобилизацию в вооруженные силы по всему рейху, – сколько потому, что она сомневалась в лояльности бельгийских и нидерландских феодалов. Когда же в 1794 году Бельгия была оккупирована французами и страна с поразительной поспешностью дезертировала из Австрии, Франца Георга было очень легко сделать козлом отпущения. В начале июля австрийцы покинули Брюссель и рассерженный кайзер упразднил пост Меттерниха.

Для семьи Меттерних это было время испытаний, Клеменс тяжело переживал унижение. Благодаря остаткам отцовского влияния он получил назначение в Англию. Удалившись из зоны насилия, он теперь располагал временем оценить критически ситуацию в разорванной на клочки Европе и защитить политику отца. В памфлете, написанном в августе 1794 года, он подверг резкой критике «твердолобых» дипломатов старой школы, «которые смотрят на современную войну как на любую другую, а на революцию как на детскую игру, которые наблюдают всеобщий пожар с хладнокровием лекаря...». Именно эти люди, пояснял Меттерних, побоялись вооружить массы. «Монархов застращали, показав им пугало, и решительные действия правительства Нидерландов были запрещены». Но истина состояла в глубоком различии между понятиями «толпа» и «народ». Последний состоял из собственников и был готов драться за свою собственность, «сколь ни мала была она... Из числа вооруженного народа я исключаю, следовательно, класс неимущих, столь опасный для государства, людей, ничего не имеющих и всегда готовых к мятежу...». Важно мобилизовать массы «граждан» и «йоменов», готовых выступить против вооруженных орд, рожденных революцией – революцией, которая угрожала «разрывом социальных уз, разрушением всех принципов и уничтожением собственности».

Первый публицистический опыт Меттерниха на политическую тему крайне интересен. Он произнес первое слово в своей продолжавшейся всю жизнь полемике против революции, – произнес со страстностью, присущей молодости. Революция, считал он, не являлась политикой в обычном понимании, то есть состязанием в рамках взаимно оговоренных правил. Это скорее демоническая сила, угрожающая самой цивилизации. Внешне проблема проста: ведется борьба собственников и неимущих. Монархические правительства и экспроприруемые собственники должны ясно осознать тот факт, что они вовлечены в классовую борьбу. Они должны оставить свои мелочные споры и соперничество ради коллективного противодействия необузданным стремлениям революционных сил.

Это было весьма красноречивое отрицание революции, но то, что Меттерних утверждал, было тоже важным. Оно состояло в страстной защите политики отца в Нидерландах, в энергичной поддержке идеи создания народной милиции, которая не имела бы ничего общего ни с голодной бандой наемников, ни с необузданной ордой фанатиков. Его трактат проповедовал философию «третьей силы», противостоявшей в лице феодалов абсолютизму, в то время как революция противостояла ему с другой стороны. За полемикой против революции таилась поддержка имперским графом рейха как органичного государственного образования, отчаянный призыв не оставлять левый берег Рейна Франции. Осуждение «твердолобых» было в конечном счете проявлением удрученности – он снова и снова говорил о непостижимом, – удрученности, вызванной тем, что монархия, на которую больше всего надеялись аристократы, оказа-

лась столь слепа в отношении своих жизненных интересов. Это было традиционное выражение недовольства бойцов передней линии штабом, оно имело мало общего с универсальностью мышления, как оценивает Генрих Риттер фон Србик содержание памфлета в своей знаменитой биографии Меттерниха. Точка зрения, высказанная в памфлете, по существу страдала местничеством. Борьба Меттерниха против революции, какое бы философское обоснование она ни получила, началась фактически как попытка привлечь Габсбургов к защите рейха по всем направлениям.

Если Меттерниха в то время более всего тревожила судьба Виннебурга и Байльштайна, то эта тревога имела под собой основания. В октябре пал Кобленц, в январе 1795 года в руки французов попала вся Рейнская область, за исключением Майнца. Меттернихи перестали быть просто бойцами «передней линии» в борьбе с революцией, теперь они были беженцами-эмигрантами – это положение лишь растравляло их души. Без должности на государственной службе, вынужденный полагаться на скромные доходы с имения Кенигсварт, Франц Георг привез свое семейство в Вену. В ноябре 1794 года впервые увидел эту столицу Клеменс Лотар. Цель съезда родственников на берегах Дуная была тройкой: подыскать работу Францу Георгу, невесту для Клеменса и, насколько это возможно, повлиять на политику с целью не допустить сдачи французам Рейнской области.

Ситуация была довольно скверной. Постороннему было очень трудно прорваться сквозь сомкнутые ряды австрийской аристократии, а для обедневшего Франца Георга Меттерниха препятствия становились непреодолимыми. Он восстановил против себя большинство влиятельных сановников, включая министра иностранных дел, барона Франца фон Тугута. Его повсюду, хотя, возможно, и несправедливо, порицали за поражение в Нидерландах, и, кроме того, он оставался приверженцем рейха в столице, которая помимо Германии имела много других интересов. Для Франца Георга не нашлось работы. Однако Клеменс преуспел больше. Менее чем через год после прибытия в Вену он возбудил пересуды столичной публики в связи с женитьбой на княжне Элеоноре, единственной дочери князя Эрнста фон Кауница и внучке самого великого канцлера. Удачный брак имел место не без влияния связей и личных усилий графини Меттерних, но главной его причиной был, конечно, сам молодой Клеменс. Он завоевал сердце юной княжны обходительными манерами, острым умом и привлекательной внешностью, взяв верх над соперниками из монархических семей Лихтенштейн и Палфи. Это была важная победа не только над замкнутостью венской аристократии, но и над зависимостью от собственной семьи. После свадьбы в сентябре 1795 года Меттерних поселился в доме тестя в Аустерлице, и, несмотря на личную антипатию ко многим из своих новых родственников, он воздерживался от всего, что могло уронить репутацию Кауницей. С этих пор благополучие дома Меттернихов зависело больше от него, чем от отца. Теперь Меттернихи были связаны с Австрией столь же прочно, сколь и с Рейнской областью. (См.: К о р т и. Меттерних и женщины. Т. 1. С. 30–44.)

В ситуации, когда Франц Георг был дискредитирован, а Клеменс почти не выезжал из Аустерлица, австрийская политика проводилась прежними неуклюжими методами и без того, чтобы пользоваться советами рейнских эмигрантов. Клеменс обвинял Тугута в проведении политики, отвечающей узкоавстрийским интересам, но не принципам идеологической борьбы против революции. Это не означало, однако, что Тугут воспринял потерю Нидерландов с легким сердцем или преднамеренно саботировал курс на укрепление рейха. Наоборот, он стремился к возврату под власть Австрии бельгийских территорий, хотя бы для обмена их на соседнюю Баварию. Более того, рейх представлял для Австрии большую ценность, особенно из-за коммерческих связей с имперскими свободными городами и исключительного права набирать рекрутов в армию в небольших курфюршествах (княжествах), не располагавших собственными вооруженными формированиями. Почти половину численного состава каждого так называемого «немецкого полка» в австрийской армии (в отличие от венгерских и хорватских боевых единиц) рекрутировали таким способом. Процент же унтер-офицеров был еще выше, поскольку в западной части Германии грамотность тоже была более высокой. Наконец, рейх укреплял моральный дух, и, хотя опора была шаткой и малоосязаемой, сбрасывать ее со счета не следовало бы. В марте 1793 года Тугут в последнем воззвании к духу имперского патриотизма убеждал рейхстаг объявить имперскую войну Франции и велеть «вооруженным поместьям» мобилизовать военные контингенты численностью втрое большей, чем обычная. Даже

выборщик Палатинат-Баварии выделил требуемую численность войск, хотя во всем остальном он продолжал соблюдать пакт о нейтралитете, подписанный с Францией.

Таким образом, рейх был все еще необходим Габсбургам. И если бы их интересовала только Германия, то, вероятно, даже Меттернихам было бы не на что жаловаться. Главным препятствием, к преодолению которого постоянно стремилась имперская политика, был польский вопрос, снова обострившийся летом 1792 года усилиями российской императрицы Екатерины. «Я ломаю голову над тем, – признавалась она, – как найти способ побудить монархии Вены и Берлина заняться французскими делами. Хочу вовлечь их в эти дела, чтобы развязать себе руки». Послав армию в Варшаву, Екатерина сломала деликатный трехсторонний баланс сил, сложившийся на востоке, и бросила прямой вызов австрийской политике сохранения Польши в качестве буфера в отношениях между Пруссией и Россией. Тем не менее Тугут и император Франциск, оба только что заступившие на свои посты, продолжали считать Западный фронт главным, оговорив себе долю во втором разделе Польши, который эти две восточные державы совершили в январе 1793 года. В ответ Пруссия и Россия обязались продолжать войну против Франции, помочь возвратить Австрии Нидерланды и поддержать ее план по обмену Нидерландов на Баварию.

Со стороны Австрии сделка не была удачной. Помощь России на западе была ничтожной, а Пруссия, чей аппетит разожгли польские территории, могла позволить себе рискнуть потерей собственных земель на Рейне (Клеве и Гелдерланд) в надежде на более значительные территориальные приобретения на востоке. Надежда была вполне реальной, поскольку остатки Польши находились в состоянии, близком к анархии. И Пруссия вскоре нашла повод для оккупации еще большей территории. К несчастью для Австрии, земли, захваченные Пруссией, включали район Кракова, где находились Моравские Ворота – широкий проход, ведущий прямо к Вене. Перед лицом этой угрозы, которая, в отличие от проблематичной опасности со стороны Франции, выглядела конкретной и близкой, Тугут отбросил свою политику невмешательства и объединился с Россией с целью вытеснить пруссаков из районов, где они представляли угрозу, и произвести раздел Польши к выгоде Австрии и России. В марте 1795 года монархия в Берлине ответила на это подписанием сепаратного мира с Францией в Базеле. По базельскому договору Пруссия признала французские претензии на Бельгию и левый берег Рейна. Выйдя из затруднительного положения на западе, она активизировала свою политику в Польше и спустя шесть месяцев получила свою долю в окончательном разделе этой страны.

Такова была реальность, требовавшая от австрийских стратегов жесткого выбора. Теоретически Меттерних был, без сомнения, прав, когда предостерегал против революции как главной опасности и призывал к прекращению текущих политических распрей. Но эти предостережения и призыв мало что значили без поддержки монархиями континента внутри и за пределами рейха. Поскольку Россия навязала польскую проблему, у Тугута не оставалось выбора, кроме как держать значительную часть армии на востоке, где Вена была уязвима для внешней угрозы. Не его вина, что Пруссия дезертировала с Западного фронта и что Саксония, Ганновер и Гессен-Кассель тоже замирились с Францией, оставив в состоянии противоборства с ней лишь правителей курфюршеств, расположенных по левому берегу Рейна. То, что молодой человек в возрасте 21 года упустил эти факты из виду, неудивительно. Примечательно другое: через несколько лет Меттерних, будучи уже в зените своего могущества, как ни в чем не бывало продолжал порицать министерство Тугута за «беспрерывную серию ошибок и просчетов». Причем даже в это время он говорил только о французском вторжении, упуская из виду польский вопрос. Но ведь так часто относятся к тем, у кого учатся.

Австрия противостояла французам в Германии не без успеха, и, только когда война была распространена на Италию, куда вторглись французские армии под командованием Наполеона Бонапарта, Тугут предложил мир. В октябре 1797 года в Кампоформио был подписан мирный договор. По его условиям Австрия уступила Франции бельгийские провинции, полу-

чив в качестве компенсации итальянские территории Венеции, Истрии и Далмации. Вывод земель короны, входивших в рейх, за имперские границы продемонстрировал яркий пример политики: «Австрия превыше всего». Но это было еще не все. В секретных статьях Австрия соглашалась уступить французам большую часть левого берега Рейна. В обмен Франция гарантировала свою поддержку в приобретении Австрией части Верхней Баварии, а также вуншительного архиепископства Зальцбург. Последняя акция предусматривала одобрение принципа секуляризации, который австрийцы долго отвергали из опасения потери некоторых важных опор империи.

Ирония состоит в том, что договор Кампоформио, который имел такие ужасные последствия для семьи Меттернихов, стал причиной того, что и отец и сын вернулись наконец в политику. Поскольку формально Франция и рейх оставались в состоянии войны, договор предусматривал проведение в Раштатте конференции для обсуждения условий мира с участием обеих сторон. Представлять имперский округ под названием Австрия был назначен граф Людвиг фон Лербах, а граф Людвиг фон Кобенцль, подписавший договор в Кампоформио, стал послом императора Франциска, выступавшего в качестве короля Богемии и Венгрии. Оставался вакантным пост полномочного представителя императора Священной Римской империи, и его занял Франц Георг Меттерних при содействии своего друга Кобенцля, который благодаря заключению мирного договора неожиданно повысил свой политический вес. Молодой Клеменс был снова назначен представителем графов Вестфалии, как во время коронации 1792 года.

Если бы Франц Георг был политиком более проницательным, он мог бы даже в своих стесненных обстоятельствах усомниться в целесообразности принятия назначения, которое требовало от него делать все возможное для блага рейха, не мешая при этом Кобенцлю и Лербаху реализовать секретные статьи договора Кампоформио. В самом деле, имеется сильное подозрение, что Тугут рассматривал это назначение как расплату Франца Георга за неудачу в австрийских Нидерландах. Он систематически держал полномочного представителя императора в неведении относительно государственных секретов, которыми щедро делился с Кобенцлем и Лербахом. Вызывает большие сомнения, что Меттернихам вообще было что-либо известно об обязательствах, взятых рейхом в Кампоформио. Клеменс, к несчастью, был более близок к истине, чем предполагал, когда говорил об отцовском назначении, что «ни один пост не соответствовал ему больше и никто не соответствовал этому посту больше, чем он».

Как бы то ни было, но, когда в январе 1798 года открылась конференция, Франц Георг оказался в беспомощном состоянии, зажатый между инструкциями рейхстага, предполагающими возвращение к положению до сложившегося статус-кво, и требованиями французских представителей, выходящими за рамки договора в Кампоформио, о передаче Франции всего левого берега Рейна без исключений. В конце концов он был вынужден следовать линии Кобенцля и Лербаха, которые не только уступали французским требованиям, но также побуждали другие курфюршества рейха делать то же самое в счет компенсации за это на правом берегу. Средством защиты рейха, признался в итоге Франц Георг делегации представителей немецкого дворянства, было одно лишь «звонкое слово».

Молодой Меттерних не разделял отцовскую сентиментальность и стоическую гордость. Перед тем как договор Кампоформио похоронил надежды на левый берег Рейна, он принял уже в Раштатте, где формально участвовал в работе конференции, меры по обеспечению адекватной компенсации за потерю поместья Меттернихов. «Не хочу, чтобы меня цитировали, – писал Клеменс жене, – но, согласно моему видению ситуации, все пошло к чертям, настало время спасти хоть что-нибудь из-под развалин». Через четыре месяца, когда конференция приняла принцип компенсации, он уже подобрал подходящее поместье и выдвинул на него претензии. На более высоком политическом уровне он смотрел скорее вперед, чем назад. Оценивая французскую программу полной секуляризации, против которой, по его мнению,

будет неизбежно возражать австрийский суд, Меттерних предпочел середину между двумя крайностями. Когда программа была одобрена конференцией, он выражал недовольство постоянными и бесполезными, по его убеждению, возражениями против этого решения отца.

В то время как Франц Георг упрямо защищал территориальную целостность рейха, а более реалистичный Клеменс выторговывал компенсации за потерю имущества, реальной проблемой в Раштатте стало бы решение вопроса о том, как крупные державы разделят территорию Германии. Гипотетически представлялась возможность разделить территорию рейха так же, как Польшу: Франции достался бы левый берег Рейна, Пруссии – Северная Германия, а Австрии отходила бы южная часть территории Баварии. Кое-что из этого расклада действительно составляло суть решения, которого добивалась старая дипломатия со времен Вестфальского мира, – некоторые называли это решение «полонизацией Германии», – и, если бы принципы старой дипломатии взяли верх, так могло бы и произойти.

Но так не случилось. Тугут не позволил Пруссии осуществить желаемую консолидацию территорий, а французы не ограничили свои аппетиты левым берегом Рейна. Плохо то, что они возвели секуляризацию в универсальный принцип. Еще хуже была их программа перераспределения земель, которая игнорировала существование двух немецких держав и была нацелена на создание промежуточных феодальных владений в надежде, что Пруссия и Австрия удовлетворятся формальным лидерством в рейхе. К тому же французы планировали передать церковные земли трех выборщиков светским династиям Гессен-Касселя, Вюртемберга и Оранг-Нассау. Лишь во время Реформации возникал такой же ажиотаж вокруг захвата земель, который охватил теперь немецких князей. Во главе с ландграфом Гессен-Касселя и маркграфом Бадена они ринулись в Париж и Раштатт, выпрашивая милостей у французских победителей. «Французы навязали свой закон, – комментировал события Клеменс Меттерних, – причем с высокомерием и самоуверенностью, кажущимися невероятными для тех, кто не знает тайных устроителей наших бед».

В это время одним из главных французских империалистов был сам Бонапарт. Он лично явился в Раштатт. Его солдафонские глаза излучали тайное желание завладеть потенциалом живой силы рейха, а острый политический ум предвкушал выгоды политики «разделяй и властвуй». Он предвосхищал раздачу вознаграждений друзьям и наказаний врагам, покуда Франция эксплуатирует эффект своей уникальной и устрашающей способности формировать многочисленные армии. Наполеон пробыл в Раштатте недолго, покинув его за несколько дней до прибытия туда Меттерниха, слава которого была уже громкой, а влияние на политику Франции значительным. Меттерних был крайне раздосадован тем, что разминулсЯ с Наполеоном, и он чутко прислушивался к разговорам о неминуемом возвращении прославленного генерала на конференцию. Однако тот больше не приезжал. Таким образом, борьба за Германию началась, когда оба антагониста так и не могли свидеться.

Возможно, это и к лучшему. Встреча между героем войны и малоизвестным представителем графов Вестфалии не могла бы произойти на равных. Да и почти не было внешних признаков того, что будущий министр иностранных дел набирается опыта. Во время пребывания в Раштатте Меттерних постоянно посещал балы, спортивные игры, казино и концерты, к тому же он получил скандальную известность из-за флирта с актрисами и шумного поведения во время игры симфонического оркестра. Внутренне он стал приобретать «хладнокровие лекаря», которое некогда резко порицал. Он усваивал австрийский взгляд на политику. Если он и выражал сожаление по поводу потери левого берега Рейна, то не потому, что разделял отцовские чувства в отношении рейха, но потому, что не мог выносить мысли о захвате его дома «этими негодяями». Тем не менее разногласия с отцом носили тактический, но не принципиальный характер. Он опасался, что упрямое сопротивление переменам закончится потерей левого берега Рейна без компенсации. Ни один из Меттернихов не желал бы этого. Как институт, рейх все еще

служил их интересам, независимо от размеров его территории и местопребывания их семьи. В душе Клеменс Меттерних оставался рейхсграфом, почтительным сыном своего отца.

Глава 2

Упадок и крушение Рейха

Летом 1798 года в Раштатте к Меттерниху присоединились жена и маленькая дочь. Во всем остальном в его жизни ничего не изменилось. На конференции были приняты принципы секуляризации церковных владений и компенсации за утраченные поместья. Но сложности их практического осуществления затягивали переговоры до бесконечности. В начале следующего года стало ясно, что война будет продолжаться. В марте, когда пребывание в таком пограничном городе, как Раштатт, стало внушать беспокойство, Клеменс Меттерних вместе с родными вернулся в Австрию. Все еще не наладив отношения с Тугутом, он вел частную жизнь, чередуя увлечения наукой в Аустерлице с посещениями в столице аристократических салонов, где обсуждалась политика. Лишь после отставки Тугута из-за катастрофического мира в Луневиле в феврале 1801 года Меттерниху предоставилась возможность продолжить дипломатическую карьеру.

В эти два года он наблюдал события, связанные с войной Второй коалиции. Вопреки надеждам, которые питал Меттерних во время пребывания в Раштатте, конференция превратилась в «заранее спланированную игру», исход которой определялся не столько переговорами, сколько действиями двух отсутствовавших держав. Одной из них была Великобритания, которая продолжала войну и поэтому отвлекала внимание Бонапарта от Германии к Египту. Другой державой была Россия, которую встревожили амбициозные планы французов в Центральной Европе, обеспокоила судьба Баварии, Вюртемберга и Бадена, ее подопечных в империи. Россию возмущало то, что ее права как гаранта статус-кво в Германии совершенно игнорировались. Император Павел I стремился воссоздать коалицию европейских союзников, подорванную сепаратными мирными договорами с Францией. Он предупредил Директорию, что не потерпит враждебных действий против «нашего союзника, императора Священной Римской империи, или действий, ведущих к уничтожению Германской империи».

Если Первая коалиция погибла из-за поражения, то Вторая была рождена победой. Разгромив французскую армию на Ниле, Британия оказалась в положении соперницы России в Восточном Средиземноморье. Аналогичный характер приняли отношения между Россией и Австрией. После ряда долгожданных побед в Италии венское правительство стало тяготиться присутствием русских войск в Центральной Европе и чинить препятствия дальнейшему сотрудничеству с Россией. Однако император Павел, заподозрив, что австрийцы прибегают к уловкам с целью вовлечь Россию и Францию в губительную войну, отвел свои армии на родину и начал политику примирения с Францией. На этом пути Россия добилась посредством переговоров того, чего не смогла достигнуть при помощи войны, – влияния в решении проблем Германии, Италии и Леванта.

Изменение политики России поставило перед «фланговыми державами» в Центральной Европе ряд выборов. Выбор Австрии тем не менее был прост: либо препятствовать делу укрепления рейха, когда оно близилось к успеху, либо добиваться его полного успеха, чтобы затем обнаружить себя в подчинении более сильного союзника. Выбрав первое, она обрекла себя на поражения от французов 14 июня 1800 года при Маренго и 3 декабря того же года при Гогенлиндене. После этого Австрия запросила мира. На этот раз французские представители настаивали на том, чтобы Франциск Габсбург подписывал мирный договор и от имени рейха. Они не хотели повторять опыт Раштатта, когда Франц Георг отказывался от имени императора уступить то, что Кобенцль соглашался отдать от имени короля Венгрии.

По Люневильскому договору от 9 февраля 1801 года Австрия согласилась уступить все, о чем шла речь в Кампоформии, и даже больше. Был подтвержден принцип секуляри-

зации церковных владений в Германии, аннулирована статья договора Кампоформии относительно Клевса и Гелдерланда, причем таким образом, чтобы Пруссия получила компенсацию в Восточной Европе за свой нейтралитет. Теперь весь левый берег Рейна, включая сильную крепость Майнц, был французским де-факто и де-юре. Между тем уничтожение всех укреплений на правом берегу оставляло Южную Германию на милость французов, а путь через Дунайскую долину к Вене – незащищенным. От Кампоформии в наследство остался также план удаления дяди Франциска, герцога Мадены, в Германию. Теперь он был подтвержден. Такая же судьба была уготована брату Франциска, Фердинанду, великому герцогу Тоскании. Реализация этой затеи не только покончила с австрийским влиянием в Италии. Это вынудило также Австрию содействовать перекройке территории рейха, иначе родственники Франциска не получили бы ничего.

Однако в Люневиле даже не упоминалось о компенсации Австрии потерь за счет Верхней Баварии и Зальцбурга, что составляло внутреннюю мотивацию договора Кампоформии. Причиной перемены в позиции Франции было желание Бонапарта умиловить Россию, самозваную защитницу курфюршеств Южной Германии. Потому что Наполеон стал в это время первым консулом Франции, а российского императора Павла сменил Александр I. Этот государь еще энергичней, чем его предшественник, требовал своего участия в реорганизации Германии. 10 октября 1801 года граф Аркадий Марков от России и князь Шарль Талейран от Франции подписали совместную конвенцию, согласно которой Франция и Россия должны были сообща диктовать условия политического устройства Германии и Италии. Заранее предполагалось, что они отнесутся к Баварии, Вюртембергу и Бадену с особой благосклонностью. За этим снова последовала отчаянная конкурентная борьба курфюрществ империи за благожелательное отношение извне, но на этот раз они обращались за покровительством как к Маркову, так и к Талейрану, а некоторые из них направили своих лоббистов в Санкт-Петербург. Трехстороннее соперничество за «третью Германию» превратилось в четырехстороннее.

И снова беда Австрии обратилась личной выгодой Клеменса Меттерниха. Барону Тугуту, к которому в Вене все чаще обращались как к барону Тунихтуту, пришлось заплатить своей должностью за неудачи Австрии, хотя он лучше других, возможно, представлял себе проблемы континентальной, удаленной от моря страны, того выбора, который стоял перед Россией, и понимал ненасытные амбиции Наполеона. Его преемником стал граф Кобенцль, старый друг Франца Георга, которому последний был обязан своим дипломатическим постом в Раштатте. Кобенцль и теперь пришел на помощь. Благодаря ему Клеменсу не только был предложен пост в министерстве иностранных дел, но и выбор места службы между Дрезденом, Копенгагеном и Регенсбургом. Для молодого человека без дипломатического опыта это было большое достижение. Обычно в таких случаях можно было рассчитывать лишь на пост секретаря посольства. Но Кобенцль был близок к Кауницам и Лихтенштейнам, а его сестра, графиня Ромбек, особенно симпатизировала рейнцу, который, очевидно, очаровывал всякого гостя на ее званых вечерах. Как бы то ни было, поступление Меттерниха на государственную службу обусловили не только личные связи, но и признание его таланта.

Хотя Меттерних получил назначение в феврале 1801 года, бюрократические проволочки не позволили ему выехать в Дрезден до ноября. Между тем Клеменс использовал свое новое положение, чтобы получить доступ к официальным документам в Вене и под опекой опытного эксперта Карла Дайзера фон Силбаха проводил месяцы за изучением подоплеку австрийской политики. Как это бывает, он стремился поскорее освоить то, на что требовались годы службы карьерного дипломата. Меттерних подвел итоги своим трудам в тщательно продуманном мемуардуме, который надеялся захватить с собой в Дрезден в качестве руководства. Тот факт, что документ не был использован по назначению, не умаляет его ценности как свидетельства образа мышления дипломата-энтузиаста в мрачное время, последовавшее за Люневилем.

Подвергая анализу в меморандуме «современное состояние европейской политики», Меттерних все еще усматривал во Французской революции причину всех происходивших перемен, гораздо более важных, чем те, которые были вызваны «тремя великими войнами прошлого века». Тем не менее он обращает основное внимание не столько на социальные потрясения, сколько на развал европейской государственной системы. Явно демонстрируя свой «австрийский» взгляд на дипломатию, он усматривает немало «косвенных преимуществ» как в потере Нидерландов, «самой отдаленной и самой дорогостоящей в смысле обороны нашей территории», так и в территориальных компенсациях в Италии, которые имели следствием выдвижение на передний план торгового превосходства вместо контроля над Адриатикой. Сам Тугут не смог бы обосновать лучше отечественные интересы. Однако в документе было еще одно, что отличало Меттерниха как от Тугута, так и от Кобенцля. Речь идет о его убеждении, что благополучие Австрии зависит гораздо больше от европейского равновесия, чем от ограниченных территориальных приобретений. Вот почему он не был удовлетворен существованием статус-кво, усматривая в нем лишь возможность восстановить силы, привести в порядок внутренние дела Австрии и найти новых союзников для военного противоборства.

Необходимо решительно подчеркнуть, что с потерей Виннебурга-Байльштайна и отсутствия по-прежнему всякого намека на компенсацию интересы семьи Меттерних взывали к постепенному возобновлению войны с Францией. Очевидно также и то, что рекомендации Клеменса имели здоровую основу и опирались на объективный анализ действительности. Они оставались сутью политики Меттерниха многие годы спустя после того, как он расстался с мечтой вернуться в Рейнскую область и стал воплощением австрийского государственного деятеля. Симптоматично для все более беспристрастного суждения Меттерниха, что он считал ответственной за разрушение баланса сил не только Францию. Разумеется, территориальные захваты нужно было у Франции изъять, но и Англия сделала так много завоеваний, что мир может быть обеспечен лишь в том случае, если эта держава откажется от них. Раздел Польши он характеризовал как «противоречащий всем принципам здоровой политики», ставший возможным только из-за «слепого стремления к территориальной экспансии» в Берлине и Санкт-Петербурге. В схожей манере он оценивал рывок России на запад. «Располагая ресурсами, которыми не владеет ни одна другая цивилизованная страна, – писал он почти с завистью, – способная по собственному произволу покончить с любым альянсом и любой войной, просто отведя свою армию, неуязвимая для вторжения извне, Россия, благодаря своему географическому и политическому положению, всегда опасна, и особенно под властью правительства, которое действует совершенно беспринципно, исходя из выгоды момента».

Больше других он порицал за разрушение баланса сил Пруссию. Хотя Меттерних сомневался в том, чтобы выгоды от ее территориальных приобретений превышали риск иметь слишком протяженную общую границу с Россией, он осуждал прусские планы распространения гегемонии на Северную Германию и предостерегал саксонский двор от опасного союза с Пруссией. Он делал вывод, что надеждой Саксонии, окруженной Пруссией с трех сторон, должна быть Австрия. Только в этой связи он говорил с долей сентиментальности о конституции рейха. В конце концов он больше ничего не мог сказать курфюршеству, которое не менее, чем Пруссия, стремилось поглотить карликовые княжества рейха, заручившись поддержкой Франции и России.

Во всем этом было смутное ощущение того, что идеологическая борьба, начатая Французской революцией, переходила в похожие стычки между великими державами. Так всегда считали и «твердолобые» в Вене. Что бы ни значила революция для отживших социальных институтов Европы, ранние суждения о ней Меттерниха с его склонностью сводить все к конфликту между революцией и консервативным режимом являются поверхностными. Скорее ситуация складывалась так, как если бы эгалитарная Франция, либеральная Англия, авторитарная Россия, бюрократическая Пруссия и династическая Австрия, которые глубоко разли-

чались своим внутренним устройством, вовлеклись в бескомпромиссную борьбу за контроль над более слабыми государственными образованиями старой Европы и ее колониальными придатками. У каждого из соперников были свои преимущества: у Франции – беспрецедентная энергия революционных масс, у Англии – военно-морская мощь, у России – ее удаленность от Центральной Европы, у Пруссии – неприхотливость и упорство, хотя ее нельзя было сравнивать по мощи с перечисленными выше державами. Лишь Австрия, кажется, не располагала набором отличительных свойств, за исключением ее положения в центре Европы. Извлечь выгоду из этого можно было только в такой Европе, где было бы восстановлено равновесие сил.

Этот новый акцент на соперничестве государств, а не доктрин вовсе не означал, что Меттерних отрекся от консерватизма своих студенческих идей. Наоборот, во время пребывания при дворе Саксонии он начал продолжительное и интеллектуально полезное сотрудничество с Фридрихом фон Генцем, одним из ярких последователей Эдмунда Берке, которого Меттерних встречал в Англии. Генц был склонен превращать консерватизм в догму. Он противопоставлял его всем революционным доктринам, как если бы это противопоставление отражало глобальную борьбу между добром и злом. Меттерних, со своей стороны, продвигался к более широкому взгляду. Этот взгляд состоял в том, чтобы не подвергать революцию ostracismу, но включать ее в набор явлений политической жизни, которые государственный деятель должен расчетливо принимать во внимание и использовать к своей выгоде. Когда Меттерних говорил о своих принципах, он ссылаясь не на политические догмы или проекты совершенного общественного устройства, но на максимы, которые раскрывали метод, заключавшийся в суждении по существу дела. «Я начинаю всегда со спокойного обдумывания проблем этого мира», – сформулировал он свой метод через много лет. К этому времени, надо сказать, его метод скатывался к неприкрытому цинизму, который подстерегает всех, кто одержим одним лишь методом.

Меттерних предпочел Дрезден Регенсбургу, месту заседаний рейхстага, из желания быть ближе к процессам, происходившим в Восточной Европе. Этот выбор лишил его возможности находиться в горниле политической жизни Германии, поскольку именно в Регенсбурге должны были начаться важные переговоры относительно перестройки рейха. Но в связи с печальным опытом отца, принявшего неблагодарное назначение в Раштатт, понятно, что у его сына не было ни малейшего желания «наблюдать раболепство элиты Германской империи» и (что можно смело предположить) вероятный крах многообещающей карьеры дипломата. После позорного Люневильского мира добиться славы и успеха в столице Священной Римской империи было невозможно. Таким образом, Меттерних не принимал прямого участия в подготовке имперской депутации, выбранной рейхстагом для переговоров с французскими и российскими посредниками. Отсутствовал он и при утверждении 25 февраля 1803 года знаменитого постановления имперской депутации, или Имперского эдикта, крайне важного для понимания политической жизни эпохи Меттерниха.

Имперский эдикт заложил основы современной Германии не в смысле упрочения ее единства, а в смысле ликвидации остатков церковных и муниципальных средневековых институтов и распространения власти современных земельных правительств. Владения церкви были напроць экспроприированы, а большинство имперских городов аннексировано, то есть подчинено политической власти светских князей более крупных государственных образований, которые отныне стали связующим звеном между этими городами и императором. Были и некоторые исключения, дань традициям прошлого и уступка практическим потребностям настоящего. Карл Теодор фон Дальберг, архиепископ выборного Майнца и главный канцлер империи, сохранил свой статус и получил в награду земли у Регенсбурга за сотрудничество с Наполеоном. Он и великий магистр ордена тевтонских рыцарей были единственными из правителей церковных владений, кто сохранил свои территории и власть. Сохранили свободу шесть городов: Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт, а также города Ганзейского союза – Любек, Бремен и

Гамбург. На время перенесли бурю имперские рыцари, бароны и графы, потому что Бонапарт решил благоразумно придержать часть клиентуры для будущих распределений земель и имущества. А может, потому, что он еще не решил, каким образом реорганизовать третью Германию.

Для Австрии Имперский эдикт был неприемлем. Но сопротивляться ему было физически невозможно из-за обескровленной армии и пустой казны. Чтобы получить компенсацию за великое герцогство Тосканию, ей пришлось отказаться от своих претензий на Зальцбург, Берхтесгаден и Пассау, земли которых обеспечивали ей действительно надежную границу. Великое герцогство принадлежало брату Франциска Фердинанду, но это не гарантировало, как станет ясно позднее, постоянных связей его владений с Австрией. Хуже того, единственный способ обезопасить герцога Мадены состоял в отказе от Ортенау и Брайсгау, последних оплотов Австрии на Рейне и, по совпадению, территорий, где находились родовые имения матери Меттерниха. В компенсацию за них Австрия получила Трент и Бриксен в Южном Тироле. Это как-то восполняло потери в Италии, но не перевешивало утрат на Рейне. Изменения конституции рейха были еще более болезненными. Маркграф Бадена и герцог Вюртемберга заменили в коллегии выборщиков архиепископов Трира и Кельна, дополнительный избирательный округ был создан для Гессен-Касселя. В этом округе, так же, как и во всем рейхстаге, большинство теперь составляли протестанты. В случае новых выборов Габсбурги не имели шансов на победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.